
Е.П. Педчак

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

Обычно первая строка стихотворения, выносимая в заглавие, содержит намек на тему, на основной мотив или предмет разговора. А произведение Блока вовсе не «о доблестях, о подвигах, о славе». Оно посвящено любви, человеческим взаимоотношениям, судьбам.

Общий фон, на котором разворачивается «действие», остается постоянным — «горестная земля». И сама собой она не перестанет быть горестной. На ней можно лишь на время забыться. И рядом трижды возникает образ ночи, тесно связанный с трагедией, переживаемой героем:

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.

Несколько позднее: «В сырую ночь ты из дому ушла». И снова (во сне): «...ты в сырую ночь ушла».

Стихотворение богато «событиями» (в том относительном значении, которое свойственно лирике) — словно прожита целая жизнь. Прошлое переживается так же остро, как настоящее. Ясно выраженного будущего времени в стихотворении нет, однако слова «уж не мечтать» обозначают лишь одну временную границу: с этих пор — и сейчас, и потом.

Образ героя стихотворения уже в первой строфе обрисован в нравственном, психологическом отношении. Для него на земле две святыни, две высшие ценности. Чтобы дать понятие о том, как много значит для него святыня любви, он ставит рядом с ней другую, столь же значительную, — славу:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Его чувство так велико, что способно заслонить собой мечты о славе, понимаемой как следствие великих свершений — «доблестей», «подвигов».

В стихотворении Блока переживания переданы не отвлеченно. Появляется образ любимой, и внутренний мир героя раскрывается через отношение к ней. Что же узнаем мы о ней из текста произведения? Первое слово, характеризующее этот идеал, — «сияло» (лицо). Оно передает очарование, притягательную силу идеала, самооценку которого подчеркнута контрастом: внутренний свет («сияние») и простота оправы.

Значение образа «твое лицо в простой оправе» усилено повторением. Причем он не просто повторен, а образует обрамление всего произведения (третья строка первой строфы и третья строка последней).

Отношение к идеалу как к святыне подчеркнуто не только глаголом «сияло», но и словом «аналой»¹ (в третьей строфе: «И вспомнил я тебя пред аналоем»).

Какими же художественными средствами создается в произведении женский образ? В первом же упоминании о любимой появляется ее лицо («твое лицо» — первые слова о ней). Следует напомнить, что в стихотворениях раннего периода лицо женщины было скрыто густой вуалью или сумраком. Оно едва угадывалось, его нужно было домыслить, намечать. А теперь изображение любимой на портрете возникает перед читателем без дымки, таинственных туманов — сразу и прямо, в подчеркнута простой оправе. И что

---

¹ *Аналой* — в православной церкви высокий столик с наклонной верхней доской, на который при богослужении кладут книги, иконы и т.п. Перед аналоем совершается обряд венчания.

совсем уж немыслимо для недавнего Блока — вместо того чтобы манить загадочностью, быть едва уловимым, лицо любимой ярко, откровенно, ослепительно «сияет».

Но вот через строфу появляется единственная в произведении деталь туалета — «синий плащ». Возникая повторно во сне, образ приближается к символу.

А рядом со словами «синий плащ» возникает слово «печально» (здесь оно впервые встречается в стихотворении):

Ты в синий плащ печально завернулась
В сырую ночь ты из дому ушла.

Дважды появляется в стихотворении синий плащ, и каждый раз его сопровождает ночь. Синий цвет становится цветом печали, сырой ночи. С ним связывается представление о бесприютности, одиночестве (примечательно, что в первоначальном варианте стихотворения он был *серым*).

Но и эта подмена образа женщины символом играет здесь роль совершенно другую, чем в ранней лирике Блока. Там реальный облик мог так и не появиться в произведении (вспомним «перья страуса склоненные» и «упругие шелка» в «Незнакомке»). А теперь сначала говорится о лице, и лишь в конце стихотворения происходит подмена героини символом, который как бы подготавливает заключительное «действие»: сначала «она» уходит из дум, из снов, оставляя по себе лишь печаль («синий плащ»), и только после этого как итог — исчезает со стола ее портрет. Так ассоциативное наполнение символа становится у Блока более жизненным и, насколько это приложимо к символу, — реальным.

Проследим за развитием «событий» лирической драмы. Едва представив читателю «действующих лиц», определив жизненную позицию героя, поэт уже в следующей, второй строфе знакомит с началом и, казалось бы, развязкой трагедии:

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому.
И я забыл прекрасное лицо.

Забыл... и мыслится: нет уже возврата к прошлому. Но последний эпитет — «прекрасное» (лицо) подготавливает повторное обращение к идеалу. За признанием «и я забыл...» следует другое: «И вспомнил я тебя пред аналогом...» От «проклятого роя» дней, погубленных в вине и страстях, в которых герой не нашел забвения и которые лишь терзают его душу, он ищет спасения, взывая к любимой, по-прежнему для него идеальной:

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.

И вновь она покидает его, печально удаляясь. Молодость как восприятие мира, как душевный настрой в стихотворении тесно связана с чувством любви, с образом любимой («и звал тебя, как молодость свою...»). И теперь он прощается с этой молодостью, прощается с нежностью и славой («уж не мечтать о нежности, о славе...»).

Слово «нежность» дано в стихотворении как синоним слову «любовь» (выше с ним перекликаются слова: «...ты, милая, ты, нежная...»).

В начале стихотворения оба идеала — любовь и слава — существовали в сознании героя отдельно, и между ними приходилось выбирать. Теперь они соединились в уходящей мечте. Вместе с «нежностью» уходит окрыленность, рождаемая большим, светлым чувством, и с нею — мечты о славе (которая мыслится как следствие творческого вдохновения, небывалых свершений).

Взлеты и падения, вдохновение и тоска — через все прошел он в своей жизни, сложной, беспощадно суровой. Уходя в «сырую ночь», она не оставляет ему никаких надежд. Осознав это с предельной ясностью, он переходит рубеж, по ту сторону которого остаются мечты, любовь-молодость, и вступает в полосу трезвости, охлаждения. И все же поэт, всматриваясь в это тягостное состояние истрадавшейся, оцепеневшей души, вновь

возвращает нас к тому, чем недавно было оживлено все вокруг. Слова «все миновалось» не только о безучастном равнодушии, они — о силе недавнего чувства, ведь оно для героя — всё.

Изменившееся мироощущение повлияло и на восприятие образа любимой. Распахнутость души навстречу идеалу (ее лицо для него — «сияет») сменилась сном души и, на первый взгляд, хладнокровным созерцанием того же портрета, теперь утратившего свой ореол (в финале глагол «сияло» исчезает). Все подготовлено к заключительному «действию». Остается хладнокровно удалить ее портрет.

И вот этот жест, почти машинальный, выраженный обыденными словами: «убрал со стола» «твое лицо в его простой оправе». Но между этими, ничего не значащими, словами врезаны тоже простые, но выразившие вдруг весь смысл происходящего слова: «своей рукой». Прикосновение обожгло, всколыхнуло все пережитое. «Своей рукой» — «твое лицо»... убрал... Невозможно в это поверить. Вспышка острой боли, которой пронизаны эти слова, доказывает, что равнодушие поверхностно. Переживания ушли вглубь сердца и там затаились... Но как — светлым воспоминанием или мстительным чувством обиды?..

Вникнем в слова героя, в его внутренний монолог, произносимый после всего случившегося:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...

Идеал остается незамутненным. «Ее» нежность проникает в его душу, и уже ничем не загасить этот внутренний свет, независимо от того, что станет с самим идеалом.

После повторного ухода любимой герой дополняет ее образ новой чертой — говорит о «гордыне», которая, очевидно, и стала причиной трагедии:

На все страдания, какие она ему причинила, он отвечает трогательным беспокойством о ее судьбе.

Нужны немалые душевные силы, чтобы вырваться из «проклятого роя» губительных дней, чтобы, обратившись к любимой и будучи вновь отвергнутым ею, не сломиться, не поддаться озлоблению, не потерять себя как личность. И самый важный итог в том, что он, пройдя через все невзгоды и испытания, отстоял свою человечность, свое благородство, сохранил душевную чистоту и цельность своей натуры. И внутренний свет его души не гаснет, отчего и финал стихотворения при всем трагизме «событий» становится осветленным.

Прочная и легкая кольцевая композиция раздумчивого и нежного монолога, обращенного к «ней», обеспечивается частичными повторами словесных конструкций в первой и последней строфах. Спокойная и печальная интонация первых двух строф сменяется взволнованными «летающими» многоточиями, за которыми так много скрывается. Единственное на все стихотворение восклицание в последней строфе:

Все миновалось, молодость прошла! —

это и попытка подвести окончательный итог, и рыдание о несостоявшемся счастье, рыдание, которое становится еще выразительнее на фоне заключительных торжественных и печальных строк.

Волшебная музыкальность обычного пятистопного ямба создается, в частности, тем, что несколько строк первой и последней строф начинается с пиррихия, и это обеспечивает «летающую» навстречу читателю звуковую волну. Большую роль играет также любимый Блоком звук [л], который буквально наполняет все стихотворение, а также отсутствие жестких скоплений согласных (большинство слогов — открытые).